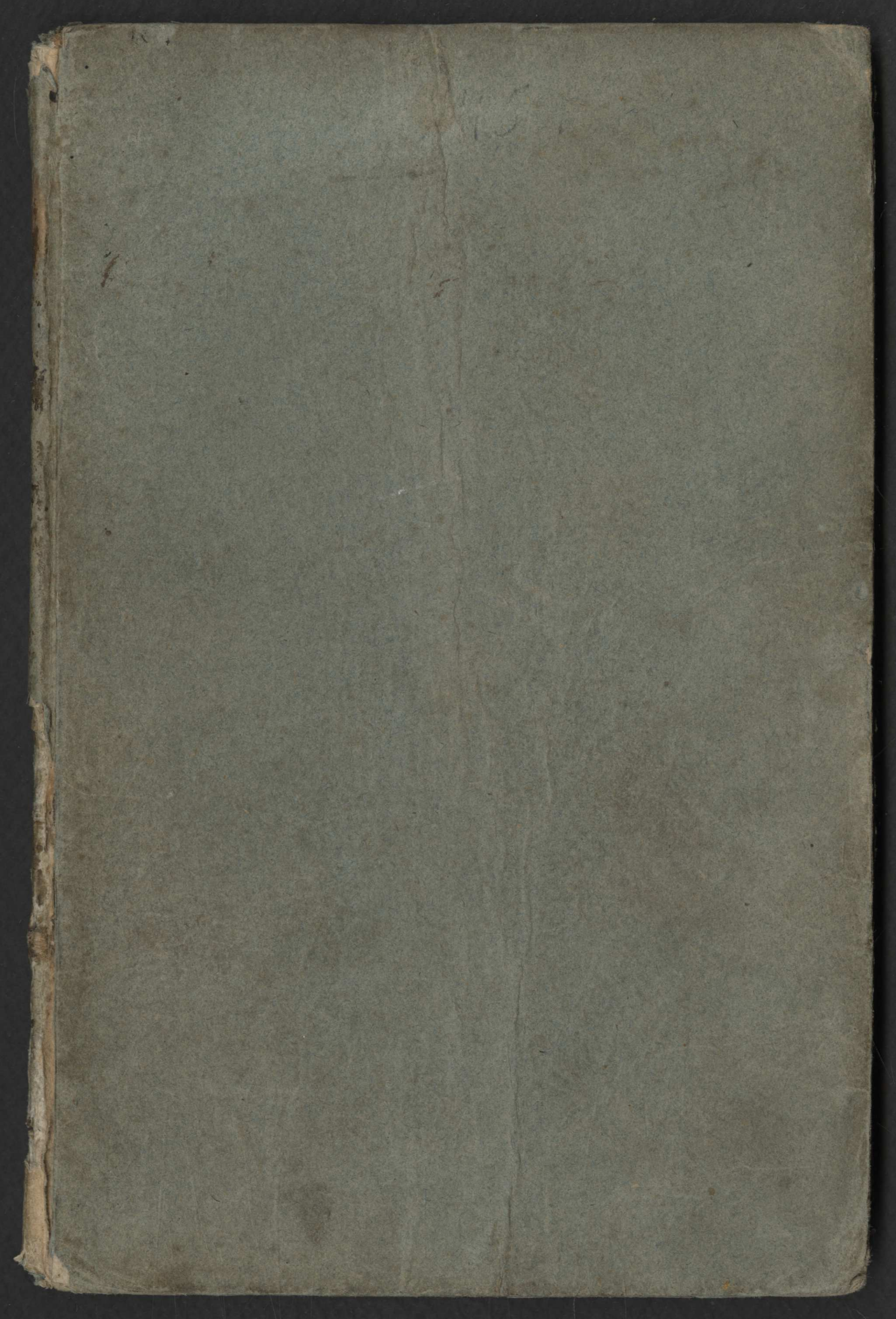

Веревкинъ

Второй шифр 19 113ᴬ 1-23 =
это вырезка из Росс
Ведом.

Автор установлен по
Сопикову 5657, Геннади т. I стр. 56
Смирдин 7385 Е.К

ТОЧЬ ВЪ ТОЧЬ

КОМЕДІЯ

въ трехъ дѣйствіяхъ.

[Веревкин Михаил Иван]

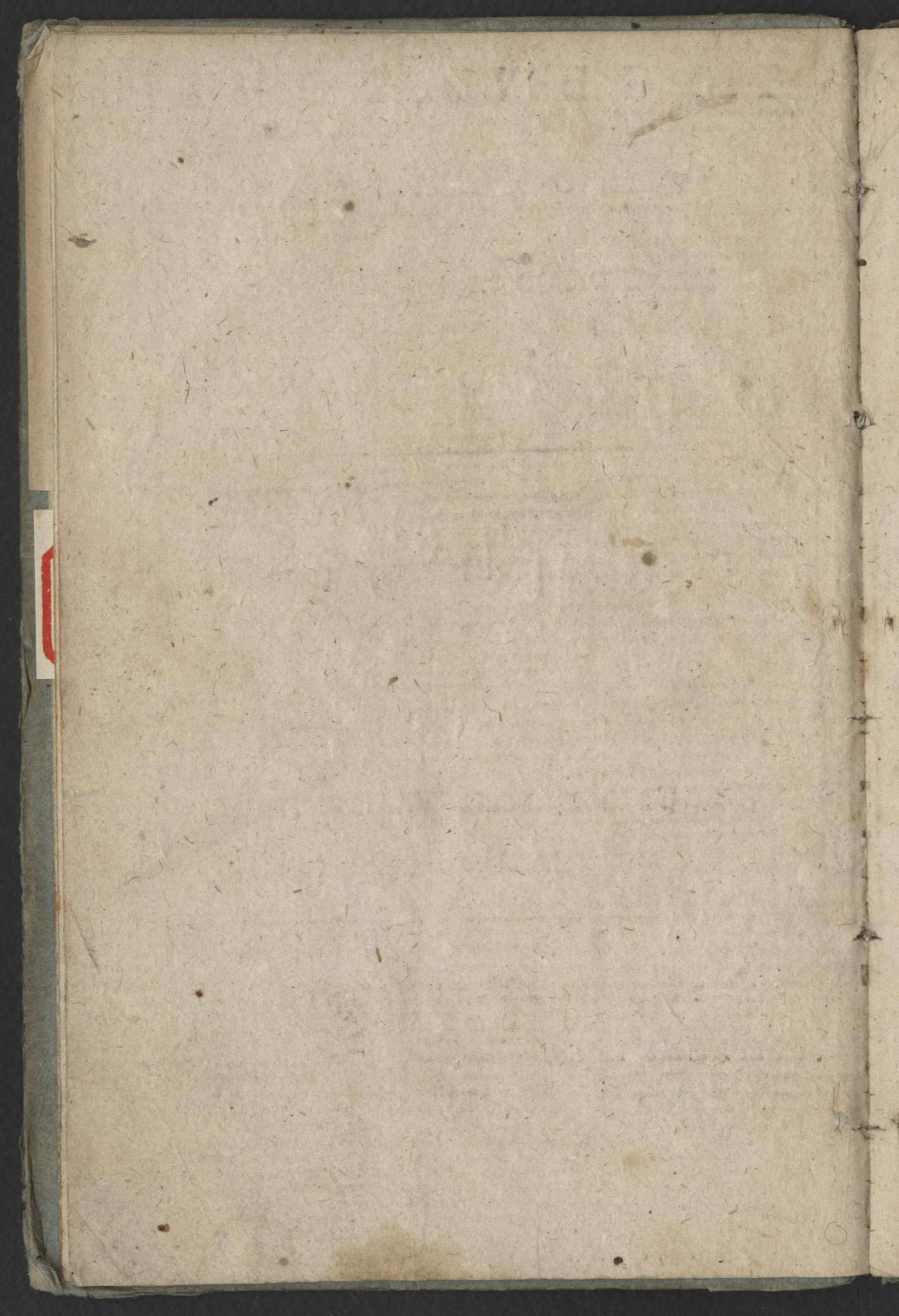
Сочиненная въ Синбирскѣ.

Съ дозволенія Указнаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

печатано въ типографіи М. Овчинникова

1785 года.

Дѣйствующія лица:

Воевода: *Аверкій Аверкіевичъ Трусицкой.*

Пулхерія: его дочь, выручeнная изъ злодѣйскихъ рукъ.

Воинъ Воиновичъ Милой: молодой военачальникъ, отряженный со участкомъ воинства, для обузданія черни.

Климъ Аксентьевичъ Удальцовъ: канцеляристъ въ должности секретаря.

Пантелей Дементьевичъ Лежебоковъ: отставной фендрикъ, сѣченой отъ своихъ крестьянъ плетьми, и спасшійся отъ висѣлицы бѣгствомъ.

Хавронья Поликарповна Лежебокова: его жена, захваченная злодѣйскою толпою, и вышедшая по неволѣ за мужъ за одного изъ злодѣйскихъ старшинъ.

Козма Располинъ: гранодеръ на вѣстяхъ у Милаго.

Колье, безногой.	штатной команды солдаты.
Булатъ, хромой.	
Усыня, однорукой.	

Ахреянъ, слуга воеводской.

Миронъ Андроновичь Капелькинъ, недоросль въ пятьдесятъ лѣтъ.

Дѣйствіе въ воеводскомъ домѣ, одного изъ городовъ Низовыхъ губерній.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату судейскаго дома, на столѣ множество разбросанныхъ бумагъ; Трусицкой держа одну въ рукахъ, сидитъ въ задумчивости, а потомъ говоритъ.

ТРУСИЦ. Куда дѣнишься? . . . штрафъ за штрафомъ, апремантъ за апремантомъ; . . . кабы да не сходили они съ рукъ и такъ и сякъ и сами (*къ зрителямъ*) знаете какъ, такъ бы мѣлкое-то нашей братьи судейство, право хуже было и ларешныхъ при соляныхъ анбарахъ; да можно уже не первая волку зима зимовать; далъ бы Богъ здоровье мірской шеѣ, она сердещная хотя и кряхтитъ, да какъ же быть . . . . не нами свѣтъ начался, не нами и скончается . . . . брани меня, грози, а я таки себѣ и въ усъ не дую . . . . . Улита ѣдетъ, коли-та будетъ, а што пожито, то наше . . . Посмотримъ-ка, што-то тутъ наваракcано:

 (*взявъ*

(взявъ со стола бумагу, и прочитавъ нѣсколько . . . . читаетъ въ слухъ) Для чего? . . . . . какой ради притчины? . . . въ силу какихъ указовъ, оной воевода Аверкій Трусицкой, въ приближеніе злодѣйское къ его городу, самовольно отлучился? *(опускаетъ бумагу, и пожавъ плечами, говоритъ)* Для чего? . . . едакой чудной вопросъ! для того, что я по великотѣлесію моему и на святой недѣлѣ не люблю на качеляхъ-то качаться; какой ради притчины? . . . *(разсмѣявшись)* мудрено отгадать! . . . и дуракъ скажетъ, что трусости ради . . . . ну виноватъ ли я, что у меня и тогда кровь застынетъ, естьли кто на меня и прикрикнетъ? . . . . въ силу какихъ указовъ? . . . . . *(посвиставъ продолжаетъ)* изволь спрашивать толку! . . . до указовъ ли, какъ хотятъ надѣть на тебя петлю? Что мнѣ дѣлать; радъ ли я тому и самъ, што я всево на свѣтѣ боюсь, и грому, и буковъ, и нарщиковъ, и тараканов, и дурныхъ сновъ, и соли, какъ она просыплется за столомъ? а отъ меня взыскиваютъ, для чего-де я далъ стрычка, а не умеръ со шпагою въ рукахъ, защищая ввѣренной мнѣ городъ . . . со шпагою въ рукахъ! . . . а того не спросятъ, что я и приняться за нее не умѣю . . . не умеръ? . . . на смерть-то чай, и поготово не скоро вольницы-то наклишешь . . . Знаемъ братъ мы, какъ вы и сами лыжи-то направить хотѣли, а теперь знать вамъ отхлынуло, какъ Богъ и Государыня умилосердились надъ трусливою-то нашею сторонушкой, и какъ Архангела съ небесъ пожаловали

вали

вали намъ полководца, которой съ небольшими жучками служивыхъ, разбилъ, разогналъ, переловилъ и усмирилъ всю ету проклятую сволочь; ну таки словно какъ рукою снялъ, спасетъ его Господь Богъ: (*крестится обѣими руками*) тамъ давили, здѣсь душили, тутъ жгли, въ иномъ мѣстѣ грабили, индо трескъ шолъ; а теперь тишъ да гладь, да Божья благодать: никто ни жукнетъ. Однако положимъ-ка (*кладетъ бумагу*) ету писульку къ первому отвѣту, а по просту сказать, въ кучу другихъ такихъ же, которые покойно у меня почиваютъ; лучшее дѣло отмалчиватся; доброе молчанье чему не отвѣтъ? А! Пулхерьюшка (*Пулхерія входитъ*) къ статѣ ты пришла, голубка моя. Сегодня будутъ у насъ обѣдать гости, такъ смотри же, чтобъ было чемъ ихъ употчиватъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Трусицкой и Пулхерія.

ПУЛХ. (*тяжко вздохнувъ и поклоняясь*) Избавте меня, сударь, отъ етова, естьли можно.

ТРУСИЦ. Слушай дочка! ежели не перестанешь ты бѣситься, и не примешься смотрѣть за домомъ, то уже на меня не пеняй . . . ., а глаза какъ заплаканы! . . . . . што ето будетъ! . . . . да уймешься ли ты, упрямица, о вчерашнемъ-то дни плакать? (*Пулхерія по-*

тупляетъ взоръ, а Трусицкой продолжаетъ) иной подумаетъ, что и невѣдь какое нещастїе съ нею случилось. Никакъ-ста, и вся та ее кручина, вотъ таки и етова (*плюетъ*) не стоитъ.

ПУЛХ. (*сама съ собою, поднявъ глаза къ верху*) Не имѣть и въ самомъ родителѣ, соучастника моей горести! (*плачетъ*) бѣдственное состоянїе!

ТРУСИЦ. (*сжавъ руки, и поднявъ плеча, качаетъ головою*) Съ ума сошла! . . . . да полно ужъ и былъ ли онъ когда нибудь у ней! . . . . добрые люди! (*къ зрителямъ*) Разсудите меня съ етою плаксою . . . я раскажу вамъ все дѣло вкратцѣ: недѣль съ пять тому назадъ, ни чаяно, ни гадано, какъ снѣгъ на голову, появилась злодѣйская толпа, отсюда верстахъ въ восми; начала всѣхъ дворянъ, а особливо нашу братью судеекъ вѣшать и грабить наши крохи; что мнѣ оставалось тогда иное дѣлать? забравъ что помягче, да давай Богъ ноги. (*указываетъ на дочь*) Ее отправилъ я другою дорогою въ деревнишку, меня Богъ унесъ, а она бѣдняшка и попалась какъ куръ во щи злодѣямъ-та въ руки. Атаману она приглянулась; онъ прижавъ ее милую къ ногтю, да и возилъ съ собою до самого того дни, какъ нѣкакой Ми . . . Ми . . . Мили . . . Мило . . . нѣтъ . . . Милизонъ, такъ, Милизонъ, дай ему (*обѣими руками крестится*) Богъ долгїе вѣки, и самую-то набольшую воровскую ихъ шайку, путемъ сказываютъ доѣхалъ, отчесалъ, такъ что и прахъ-атъ ее больше не помянется. Пастой . . . . гдѣ бишь едакъ-та от-

отстряпал онъ ее посвойски? тфу пропасть, не вспомнится; да . . . . да . . . . да . . . . подъ Черным Яромъ; подъ Черным Яромъ, множество едакихъ, какова моя дочь, дворяночекъ, высвобожены имъ голубчикомъ изъ подъ злодѣйской неволи, и развезены по домамъ, да еще и на казенномъ коштѣ! между протчими горюшами и (*указываетъ на дочь*) она ко мнѣ возвращена. Пожалуйте же скажите теперь, радоватся ей, или плакать должно?

ПУЛХ. (*сама съ собою*) О смерть! для чего ты медлишь отдѣлить чистую душу, отъ тѣла поруганнаго извергами человѣчества?

ТРУСИЦ. Вотъ тебѣ на, и то еще не говорено . . . а кабы да на сойку да не свой язычокъ, такъ никто бы и въ вѣкъ о томъ не провѣдалъ.

ПУЛХ. Но къ чему таить мое злоключенiе, когда я сама себѣ несносна?

ТРУСИЦ. Полно дура пустое-то врать; выложи себѣ ету нелѣпицу-та изъ головы: приданое у тебя, по милости моей есть, рожицею ты взмазлива, ума и моево больше; обычай, и водой не замутишь; добра человѣка Богъ дастъ, такъ прикроемъ тебѣ голову, да и какъ съ гуся вода.

ПУЛХ. Когда я почтенiе и сама къ себѣ невозвратно потеряла, то остается мнѣ только упасть (*упадаетъ къ ногамъ отцовскимъ*)

къ вашимъ ногамъ, облить (*плачетъ*) ихъ моими слезами, преклонить на жалость родительское ваше сердце, и испросить послѣдней у васъ милости. (*обнимаетъ отцовы колѣни, а Трусицкой подымая ее самъ всхлипываетъ.*)

ТРУСИЦ. Дорогое мое дитятко! што тебѣ подѣялось? што тебѣ попритчилось? надрываешь ты мое сердечушко; проси у меня голубка моя бѣлая, проси всево, ни въ чемъ тебѣ не будетъ у меня отказу, хотя бы мнѣ ето ста рублей стоило. (*утираетъ слезы кулаками.*)

ПУЛХ. Нещастіе мое зделало меня недостойною жить между честными людми; сколь душа моя ни чиста, но сіе только одному сердцевидцу извѣстно; то позвольте мнѣ, отъ сего же самаго дня оставить свѣтъ, оставить родительской домъ, и заключить себя въ избранномъ уже мною убогомъ монастырѣ; (*Трусицкой остолбенѣлъ, и вытаращa глаза, на нее смотритъ*) я твердое приняла намѣреніе, горестные дней моихъ остатки посвятить Богу.

ТРУСИЦ. (*долго молчитъ, а потомъ подняв руки къ верху*) Мать Пресвятая Богородица! што пришло мнѣ съ нею дѣлать? да (*плачетъ*) на ково ты меня покидаешь? умилосердись ты надъ моею (*обнимаетъ ее, а она его цалуетъ въ руку*) старостію . . . (*больше плачетъ*) вся на тебя была надежда, для ково же я и живу на свѣтѣ, для ково и собираю, глупинькая, што не для тебя; чорти ли во мнѣ безъ (*воетъ*) тебя будетъ.

Явленїе третїе.

Вступаетъ на театръ Удальцовъ съ одной, а Пулхерїя закрывшись платкомъ, уходитъ въ другую онаго сторону, Трусицкой закрывшись руками, воетъ; Удальцовъ ставъ у дверей, и поклонясь объ руку, говоритъ ко уходящей Пулхерїи.

УДАЛЬЦ. Многомилостивая государыня! не мене ли ради мизирнаго, изъ сея храмины уходить соизволите? (*Пулхерїя уходитъ за кулисы, а Удальцовъ глядя въ слѣдъ ее, и вздохнувъ продолжаетъ самъ съ собою стоя у дверей*) Дадеся ми пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ . . . . (*еще вздыхаетъ*) Духъ же бодръ, плоть же немощна! . . . . . уязвися сердце мое до самыя глубины стрѣлою прелестника мїра сего Купидина . . . (*утыкаетъ пальцомъ въ лобъ*) волцы хищницы бракоокрадованною ее сотвориша . . . . . (*вздыхаетъ столь громко, что Трусицкой его примѣтя ему говоритъ:*)

ТРУСИЦ. (*плача*) Ба! Кимъ Аксентьевичъ! добро пожаловать другъ мой!

УДАЛЬЦ. (*поклонясь ему объ руку*) Нѣчто, ваше высокородїе, смутными мнѣ быти являетеся?

ТРУСИЦ. (*плачетъ и утирается обоими кулаками*) Не безъ того-то, другъ мой.

УДАЛЬЦ. О чемъ же поволите толико сѣтовати, ваше высокородїе, не опять ли

грѣхъ

грѣхъ ради нашихъ, гомоющина зашевелилась? . . . . Уповайте на Бога, и на меня нижайшаго . . . . . да и не благоволите паки ятися бѣгу . . . . . я ваше высокородїе запру въ соборную Апостольскую церковь, тамо не допуститъ сила небесная прикоснутися злодѣямъ тѣлеси вашему. Благодатїю Всещедраго, я уже отженялъ отъ града сего, сихъ треокаянныхъ, хотя съ малою бывъ дружиною, истинно по христїански говорю, не допустилъ бы сопостатовъ сожещи и пригородныхъ слободъ нашихъ, аще бы не вси жители оныхъ, къ нимъ приобщишася; а нынѣ скоро имѣетъ быть здѣсь и легулярство, то хотя бы и самъ Емелька, со всею саранчею своею на ны воста, то мы его сокрущимъ, аки сосудъ скудельничїй.

ТРУСИЦ. Охъ! нѣтъ, братъ Климъ Аксентьичь! домашнее меня обуяло горе . . . . жабы ты зналъ да вѣдалъ мою кручину, такъ бы и самъ ума не приложилъ, какъ мнѣ жить да быть приходитъ.

УДАЛЬЦ. То дѣло инщее, ваше высокородїе! а какъ не лѣть есть касатися разбирательству чуждаго домашняго быту, то о семъ и да умолчимъ . . . сїе дѣло экстренное!

ТРУСИЦ. Нѣтъ, Аксентьичь! не до молчанья мнѣ горюну приходитъ, голова съ плечь катится.

УДАЛЬЦ. (*съ удивительнымъ лицемъ*) Возверзите печаль вашу на Господа, да поищите, осударь,

добра

добра человѣка, авось и поможетъ онъ своимъ благосовѣтїемъ, елико вамъ на потребу.

ТРУСИЦ. Какому тутъ чорту быть совѣту, одна у меня и есть дочь, да и та меня покидаетъ. (*плачетъ*)

УДАЛЬЦ. Какъ, ваше высокородїе, въ какую силу?

ТРУСИЦ. Въ какую силу! задумала итти въ монастырь; а я ее знаю, хоть будь весь въ крестахъ, такъ ее не переупрямишь. (*плачетъ*)

УДАЛЬЦ. Да по какому резонту, ваше высокородїе?

ТРУСИЦ. По какому резонту, што-то меня и въ крюкъ-атъ ведетъ, што резонту-та нѣтъ-таки, ни на синь порохъ; забрала себѣ въ болванъ, што она недостойна глядѣть на людей, побывавъ въ рукахъ у воровъ. Кабы ето было по ее воли? . . . ушла ли бы што ли она къ нимъ сама, такъ бы ужъ и брюхо не болѣло.

УДАЛЬЦ. (*самъ съ собою*) Имѣется страхъ Господень въ сей отроковицѣ! (*къ Трусицкому*) прикрыть бы, ваше высокородїе, принужденный грѣхъ ее бракосочетанїемъ. Кїй человѣкъ кромѣ грѣха, аще и единъ день живота его есть? Егда (*кланяется*) не во гнѣвъ будетъ вамъ, милостивому моему командеру, то я бы наимяновалъ и отрока, желающаго на ней посягнути?

ТРУСИЦ.

ТРУСИЦ. Кабы за мужъ-атъ она пошла! .... анъ толь пить дѣло. Скажи-ка однако пожалуй, ково бы ты ей въ женишки-то собилъ?

УДАЛЬЦ. (*кланяется почти въ землю не говоря ничего.*)

ТРУСИЦ. О чемъ ты кланяешься, Аксентьичь?

УДАЛЬЦ. Языкъ мой прильпе гортани моей.

ТРУСИЦ. (*во удивленіи*) Не знаю на што подумать! веть ты жениха хотѣлъ сказать моей дочери; такъ чевожъ ради вдругъ такъ ты опѣшилъ, да еще чуфисть да чуфисть?

УДАЛЬЦ. (*кланяется ниже прежняго*) Врагъ было дернулъ, вашему высокородію, напомянуть о себѣ нижайшемъ.

ТРУСИЦ. Для чевожъ нѣтъ? я бы обѣими руками за тебя ее выдалъ. Ты дѣтина грамотной, (*Удальцовъ кланяется*) хлѣбъ нажить умѣешь; благодарю, другъ мой, за твое доброе намѣреніе; а въ знакъ тово, сколько я радъ быть твоимъ тестемъ, и обнимаю (*обнимаются*) тебя, какъ нареченнаго уже зятя .... Коли до того дойдетъ, такъ и силки братъ прибавимъ. (*самъ съ собою*). Рой надо мною вьется, мірская-та милостыня въ одну суму у насъ съ нимъ полезитъ; а секретарьскоетъ закромецъ, едва

не

не потуже ли воеводскаго бываетъ набитъ. (*въ слухъ*) Пожалуй-ка подержи пока ето за собою, а какъ дастъ Богъ пообѣдаемъ, да спустимъ гостей, такъ хоть и за попомъ.

УДАЛЬЦ. (*цалуетъ въ полу Трусицкаго*) И мыслію и сердцемъ, и тѣломъ и душею предаюся въ полную резолюцію вашего высокородія.

ТРУСИЦ. Ладно, братъ Аксентьичь, ладно; авось Богъ умилосердится надъ моимъ скудоуміемъ, и дастъ мнѣ тебя на покой старости, на поминъ души моей грѣшной.

УДАЛЬЦ. (*низко поклонясь*) О таковомъ точію принципилѣ и прошу и молю ваше высокородіе; а между тѣмъ, милосливой отецъ, не позволите ли мнѣ (*кланяется объ руку*) съ моею униженностію представить: не соблаговолено ли будетъ итти неукоснительно въ канцелярію; ожидаютъ бо тамъ, ваше высокородіе, не безважные челобитчики.

ТРУСИЦ. Не можноль братъ погодить до завтра? у меня севодни будутъ гости; да къ томужъ и на сердцѣ-то у меня право не челобитчики.

УДАЛЬЦ. Времяни нетерпящіе челобитчики, ваше высокородіе, (*на ухо Трусицкому*) да и не безъ акцеденціи быть имѣетъ.

ТРУСИЦ. Ахреянъ!

АХРЕЯНЪ.

АХРЕЯНЪ. (*за кулисами*) Чево нада сударь?

ТРУСИЦ. Войди сюда.

АХРЕЯНЪ. За чемъ?

ТРУСИЦ. Да войдешь ли ты сюда поскорѣе, проклятой.

АХРЕЯНЪ. Развѣ сказать-то не льзя за чемъ?

ТРУСИЦ. Экой болванъ! подай мнѣ парикъ, шпагу, шапку и трость.

АХРЕЯНЪ. Такъ и безъ меня дѣло-то обойдется: парикъ на болванѣ, шпага на гвоздѣ, а шапка и трость подъ святыми, изволь самъ взять, а мнѣ недосугъ, я ножи чищу; веть гости къ тебѣ будутъ, а какъ ножи-то не станутъ рѣзать, такъ ты своей-та спины чай не подставишь.

ТРУСИЦ. А вотъ какъ я перещупаю у тебя всѣ кости, такъ ты и подашь, что тебѣ велятъ, и ножи не будутъ тупы.

УДАЛЬЦ. Блаженъ человѣкъ, ваше высокородіе, иже и скоты милуетъ; прости его моего ради (*кланяется объ руку*) рабскаго прошенія, я вамъ все ето подамъ. (*бросается за шпагою и привязываетъ ему съ правой стороны*)

ТРУСИЦ. Не съ той, не съ той стороны Аксентьичь?

УДАЛЬЦ.

УДАЛЬЦ. (*привязываетъ съ надлежащей стороны извиняясь*) Виненъ, ваше высокородіе, да полно и не все ли равно, съ которой бы стороны она ни моталась: кто умѣетъ ею владѣть, тотъ и на правомъ боку у себя ее найдетъ, а кто барахтаться-та ею не мастеръ, тому она право вездѣ лишняя, хоть въ руку всунь. (*надѣваетъ парикъ задомъ напередъ*)

ТРУСИЦ. Не такъ, не такъ, другъ мой! (*смѣется*)

УДАЛЬЦ. Неспоручное осударь дѣло. (*надѣваетъ шапку тульею вверхъ*)

ТРУСИЦ. (*смѣется еще больше*) Постой-ка, Аксентьичь, не такъ; (*надѣваетъ самъ*) дай-ка я самъ ее нахлучу.

УДАЛЬЦ. Инъ воля вашего высокородія. (*подаетъ трость набалдашникомъ въ низъ.*)

ТРУСИЦ. (*захохотавъ*) Што тебѣ Аксентьичь здѣлалось, все ты подаешь навыворотъ?

УДАЛЬЦ. Сице приглушить-то, ваше высокородіе, кого случится, ловчее; да полно вы осударь и мухѣ не ворогъ.

ТРУСИЦ. Ну, пойдемъ же суды-та судить, (*пошелъ и остановился*) да полно не раздумать ли до завтре, вѣрноль ты знаешь, что намъ што нибудь перевалится.

УДАЛЬЦ. Трудивыйся да ястъ, ваше высокородіе!

ТРУСИЦ. Не всегда это бываетъ; я хотя и не грамотей; однако отъ тебя же слышалъ, што ови трудишася, ови въ трудъ ихъ внидоша.

УДАЛЬЦ. Случается, милосердый отецъ, точію не подобаетъ оскудѣвати надѣянію каждаго православнаго христіанина. Священницы отъ престола Божія, а приказные служители отъ челобитчиковъ получаютъ пищу, и тако пойдемъ, ваше высокородіе, творити судъ людамъ Божіимъ; а потомъ авось предъ трапезою возъимѣемъ резонтъ возгласити сице: хлѣбъ нашъ насущный далъ ты намъ днесь.

ТРУСИЦ. Пойдемъ, пойдемъ, авось и въ правду осеребрятъ насъ на сей день Господень. (*какъ они подходятъ къ кулисамъ, то на встрѣчу имъ Булатъ*)

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Булатъ.

БУЛАТЪ. (*къ Трусицкому*) Лепортую, вашему высокородію: потолокъ въ судейской обвалился.

ТРУСИЦ. Экой грѣхъ! . . . . да полно и послужилъ; давно уже душа у меня дрожала; (*къ Удальцову*) какъ же теперь Аксентьичь! намъ быть?

УДАЛЬЦ.

УДАЛЬЦ. (*помолчавъ нѣсколько, указываетъ пальцомъ на голову свою*) Здѣсь посправимся, осударь! что чинити подобаетъ; (*еще подумавъ, говоритъ Булату указывая на Трусицкаго*) его высокородіе изволитъ приказывать, чтобъ ты взялъ съ собою двухъ еще служивыхъ, и теперь же принесли изъ подъяческой два стола, одинъ для его милосердія, а другой для меня, въ садовую его высокородія бесѣдку; не такъ ли, (*къ Трусицкому*) высокомилостивой отецъ? воздухъ настоитъ благорастворенный, да къ тому же и услышатъ вси людіе, что вашему высокородію ни что же воспящаетъ труды къ трудамъ прилагати, во многотрудномъ трудолюбіи вашемъ.

ТРУСИЦ. И впрямъ такъ, да и прибратьта, вѣдашь ловчее; (*къ Булату*) поди же скорѣе, да штобъ съ маху.

УДАЛЬЦ. (*къ Булату*) Не позабудьте захватить передо мною лежащіи хартіи, писалище, засыпалище, и прочее, яже къ тому лѣть есть; а судейскую заприте замкомъ и приставте часоваго, дабы инщее что утратиться не могло.

БУЛАТЪ. (*отходя кропочется*) Лѣшій те знаетъ, што ты тамъ по чухонски-та бормочешь; а я схопаю столъ-атъ въ беремя, да и притараню, такъ и все тебѣ тутъ.

УДАЛЬЦ. (*къ Булату въ слѣдъ*) Скажите челобитчикамъ, чтобъ шли за вами.

БУЛАТЪ. (*за кулисами уже кричитъ*) Слушаю, ваше благородїе.

ТРУСИЦ. (*отходя съ Удальцовымъ въ другую сторону театра*) А мы между тѣмъ пойдемъ-ка къ плаксѣ-то, Аксентьичь! клюнемъ тамъ по чепорухѣ, да погуторимъ кое што.

УДАЛЬЦ. Со всераболѣпнѣйшимъ моимъ уничиженїемъ, (*кланяется объ руку*) высокощедрый осударь! (*уходятъ*)

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ бесѣдку въ саду воеводскомъ; въ ней столъ и одинъ стулъ. Трое штатныхъ солдатъ, изъ коихъ одноругой обметаетъ на окнахъ паутину; хромой приставливаетъ стулъ къ столу, оправляетъ бумаги, чернильницу съ перомъ и песочницу; а безногой мететъ полъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Копье, Булатъ и Усыня.

(*упражняяся въ прибиранiи бесѣдки, говорятъ между собою*)

ОДНОРУК. (*заглянувъ въ окошко.*) Нутя ребята, поскорѣя, самъ идетъ.

БЕЗНОГ. (*подметая*) И я слышу што идетъ, да еще не близко, гортань-та лихъ еще сво же сказывается.

ХРОМ. Когда иное подкуликавъ, да позоранки-та затянетъ любимую свою пѣсенку: головаль ты моя головушка; . . . . тфу пропасть! инда за рѣкою слышно! . . . . какъ изъ кадки лѣзетъ!

ОДНОРУК. Какъ бы кажется эдакому дородному брюхану струсить отъ вотаги крестьянъ, да и такихъ, у которыхъ кромѣ рычаговъ да кулаковъ ничего не было? . . . . есть кому махнуть; одинъ бы передушилъ какъ курятъ человѣкъ съ десятокъ.

БЕЗНОГ. Ну, да мы, посмотримъ-ка на себя, къ чему уже мы стали годны . . . . совсѣмъ калеки; однако, што они у насъ выторговали, подступя-то къ нашему городу? . . . грибъ съѣли!

ОДНОРУК. Наше дѣло служивое, у васъ еще, слава Богу, по двѣ руки осталось, а я право и одною да не дамся живъ въ руки. Хороши бы мы были! . . . мало бы насъ было и разстрѣлять, кабы лѣтъ по сороку та Государю служа, и бывши на стольких побоищахъ; противу Шведовъ съ покойнымъ Лесинымъ, противу Турокъ съ Фалмилихинымъ, и противу Прусаковъ съ Салтыковымъ, да дали бы мы себя перерѣзать какъ свиней, чортъ знаетъ какому наброду воришковъ! нѣтъ, братцы, хотя бы и рукъ-то у насъ не осталось, то бы мы и одними зубами отъ етой дряни отгрызлись.

ХРОМ. И вѣдомо; въ томъ-то мы и хрїостъ-атъ цаловали. Умереть вить однажды, такъ лутче по салдатски, а не по бабью; добрая-та слава славою; а поминать-та души по церквамъ, тѣхъ, што за православную вѣру,

за Матушку Всемилосливую, и за святую-та Русь головушки положили, чево стоитъ?

БЕЗНОГ. Да за што-то даютъ намъ и жаловавье, обуваютъ и одѣваютъ. Вотъ какъ Климъ Аксентьевичь, хоша бы казалось и не ево дѣло, однако же постоялъ за себя, какъ разбойники-та напали, а объ насъ чево и спрашивать?

ОДНОРУК. Объ насъ чево и спрашивать! ..... придетъ неминуча, такъ и Енералы-та на всякую опасность ни слова не говоря лѣзутъ, а объ трудахъ-то имъ и не заводи. Да какъ же и не такъ, когда и главной-атъ нашъ, какъ сказываютъ, съ осмью Донцами, да нашей братьи человѣкъ съ десяткомъ, верстъ вѣть, право, шесть сотъ, такъ сказать, передъ носомъ у бунтовщиковъ-та разъѣзжалъ; и по лѣсамъ, и по болотамъ, и въ дощь и въ слякоть; ни што ему сердешному не мѣшало, какъ между Саранскимъ-та и Синбирскимъ, ночью-та, говорятъ, онъ ѣхавши, да какою же де ночью, хоть въ глазъ уколи, попалъ милой верхъ копыльемъ въ глубокой оврагъ. Охъ! ёкнули, чай, ребята, тогда салдацкія-то сердечушки, имъ началось, што и костей-то ево не зберутъ; однакожъ Богъ помиловалъ, вытащили ево коіо какъ, да посадя на тележку, довезли до деревни: а ребра-та ево, чай, будутъ вѣкъ помнить.

ХРОМ. Чу, заблаговѣстилъ соборной колоколъ!

БЕЗНОГ. И соннова разбудитъ!

ОДНОРУК. (глядя въ окно) Уже идетъ на крыльцо.

Явленїе второе.

Трусицкой, Удальцовъ и прежнїе.

Хромой обираетъ у воеводы шпагу, трость и шапку; Трусицкой садится; служивые уходятъ изъ бесѣдки; а Удальцовъ взявъ со стола бумагу, и перекрестяся по раскольничью, съ разстановкою, глядя въ бумагу, докладываетъ.

УДАЛЬЦ. Лѣнтяевскаго, ваше высокородїе, стану, сельца Тунеядова, помѣщикъ отставной фендрикъ Пантелей Дементьевъ сынъ Лежебоковъ, поданнымъ въ здѣшнюю воеводскую канцелярїю челобитьемъ прописываетъ: яко бы въ половинѣ минувшаго мѣсяца, крѣпостные его крестьяне, реченнаго сельца Тунеядова, приглася къ себѣ одного изъ разбойниковъ, называющагося атаманомъ, по имяни Ваньку Иванова, скопомъ и заговоромъ, вошедъ къ нему въ господскїе его хоромы, разграбили его пожитки, ушибли запоромъ до смерти мать его; дѣтей обухомъ перебили; его самого раздѣвъ сѣкли троекратно ѣзжалыми кнутьями, до-

допытываясь, не спрятаны ли у него гдѣ денги и пожитки, и готовилися уже его вести ко повѣшенію на воротахъ собственнаго его дома; а при томъ и расписали вытащенную ими изъ подъ пола его Лежебокова бочку вина. „О чемъ „по силѣ указовъ учинено быть имѣетъ особое „слѣдствіе, понеже онъ заклейменаго куба у „себя не имѣетъ.„

ТРУСИЦ. (*вынимаетъ записную книжку*) Постойка на часокъ, Аксентьевичь! какъ бишь имячкота?

УДАЛЬЦ. Сельца Тунеядова, ваше высокородіе, помѣщикъ отставной фендрикъ Лежебоковъ.

ТРУСИЦ (*записываетъ*) Это, братъ, рублями пахнетъ.

УДАЛЬЦ. (*продолжаетъ читать*) Охмѣлявши до зѣла, сіи злодѣи заснули, а означенной Лежебоковъ между тѣмъ учинилъ утечку; нынѣжъ, когда за помощію всѣхъ благъ подателя, мятежи укрощены, и настало прежнее повсюду спокойствіе, проситъ онъ Лежебоковъ, дабы соблатоволено было, первое: учинить посылку въ разныя жительства, для забранія разбивающихъ домъ его, и потомъ, чрезъ пристрастные распросы, оными забранными разыскать о покраденныхъ его Лежебокова пожиткахъ и о возвращеніи оныхъ ему. Второе: дабы такъ же представить объ немъ Лежебоковѣ, куда надлежитъ, объ опредѣленіи его на мѣсто одного

ного изъ убіенныхъ злодѣями здѣшней штатной команды офицеровъ. Третіе: (*говоритъ воеводѣ на ухо*) на первой случай кланяется, вашему высокородію, семьею дворовыхъ людей, а по окончаніи дѣла и вящую благодарность оказать обѣщевается.

ТРУСИЦ. За третіе-то возмись пожалуй, и кабы да какъ нибудь намъ поскорѣе скрутить; а за моею скрѣпою, самъ ты знаешь, не станетъ.

УДАЛЬЦ. Слушаю, ваше высокородіе! жена ево Лежебокова, Ѳевронія Поликарпова дочь, прошеніемъ своимъ объявляетъ, что по выше оказанной утечкѣ мужа ее, оной атаманъ Ванька Ивановъ, бивъ ее нещадно плетьми, принудилъ сочетатися съ нимъ законнымъ бракомъ, и держалъ ее при себѣ до своей поимки; послѣ чего она явилась здѣсь, и проситъ о представленіи, куда слѣдуетъ, дабы повелѣно было ей нарицатися имянемъ перваго своего мужа, и паки жити съ онымъ совокупно.

ТРУСИЦ. Да захочетъ ли полно етова первой-атъ мужъ?

УДАЛЬЦ. Слѣдуетъ, ваше высокородіе, вопросить его самого передъ присудствіемъ.

ТРУСИЦ. (*кличетъ Булата и ему приказываетъ*) Введи сюда прапорщика Лежебокова съ женою. (*Булатъ отворя въ бесѣдкѣ двери, впускаетъ ихъ, а самъ уходитъ*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и Лежебоковъ съ женою.

УДАЛЬЦ. (*къ Лежебокову*) По поданному вашему прошенію, имѣете ожидать резолюціи, и почасту являтися хотя здѣсь, хотя на дому у его высокородія; а между тѣмъ повелѣно мнѣ васъ вопросити, имѣетель вы желаніе взять обратно сію (*указываетъ на жену его*) просительницу паки себѣ въ жену?

ЛЕЖЕБОКОВЪ. Я бы отъ етова не прочь, Климъ Аксентьевичь! да полно крѣпка ли она мнѣ будетъ? я темной человѣкъ, не токмо што указовъ, да и грамотѣ мало знаю. Какъ бы лихіе люди у меня ее не оттягали; да и она сама, полно ужъ захочетъ ли жить со мною; плоха, ваше благородіе, надіожа на жену, которая мужей мѣнять научилась.

ЛЕЖЕБОКОВА. (*къ мужу*) Ахъ! батька мой, Пантелей Дементьевичь, да чемъ я, свѣтъ мой, виновата? изъ подъ плетей-та, ясной мой соколъ, ты бы и самъ, не токмо што на другой женился, да и за мужъ бы изволилъ выттти; кабы и твоему здоровью, такое же какъ мнѣ стали надѣвать ожерельице?

ЛЕЖЕБОКОВЪ. (*самъ съ собою*) Едва не правдаль! (*въ слухъ*) да развѣ пожалаете мнѣ на нее указъ, чтобъ никто въ нее не вступался.

ТРУСИЦ. (*къ Лежебокову*) Возми-тка, братъ, ее, да живи по прежнему; а объ указѣ-та мы представимъ вышней командѣ. Пожалуй завтре поранѣе ко мнѣ самъ, вѣдаешь о чемъ переговорить, такъ авось и всѣ дѣла-та твои пойдутъ на стать.

ЛЕЖЕБОКОВЪ. Такъ прикажите же, ваше высокородїе, служителю вашему отперетъ завтре поранѣе сѣни, а то онъ съ пустыми-та руками нашу братью челобитчиковъ не впускаетъ.

ТРУСИЦ. Добро, приходи только поранѣе . . . . . на заднее крыльцо . . . . . разумѣешь?

ЛЕЖЕБОКОВЪ. Какъ не разумѣть, ваше высокородїе! эту загадку ужъ и малые ребята здѣсь въ городѣ отгадываютъ.

УДАЛЬЦ. (*къ Лежебоковой*) А ты бы, честная госпоже, къ дочерѣ его высокородїя въ такую же силу.

ЛЕЖЕБОКОВА. Я ужъ было пыталась, Климъ Аксентьевичь! кланятся ее милости, холстикомъ другимъ, да она не изволила принять, сказавъ мнѣ при томъ: когда-де они у тебя лишнїя, такъ нашей-де изъ нихъ рубашекъ, да раздай убогимъ, вдовамъ и сиротамъ.

ТРУСИЦ. (*пожимаетъ плечами*) Съ етимъ умомъ наживетъ домикъ!

УДАЛЬЦ.

УДАЛЬЦ. Дѣтское дѣло, ваше высокородіе, дастъ Богъ сожителя благоразумнаго, што и научится можетъ елико на потребу.

ТРУСИЦ. (*къ Лежебоковымъ*) Ну, подите же теперь отсюда съ Богомъ, да живите въ совѣтѣ и въ любови. (*Лежебоковы кланяются.*)

ЛЕЖЕБОКОВА. Благодарствую, батюшка судья праведной; што свелъ ты меня опять съ другомъ моимъ сердешнымъ, съ наливнымъ моимъ яблочкомъ, съ Пантелеемъ Дементьевичемъ, приведи тебя самъ Господь Богъ самово порадоватся такою же радостью. (*Лежебоковы отходятъ*)

УДАЛЬЦ. (*къ зрителямъ*) Ха, ха, ха, ха, сирѣчь, штобъ, его высокородіе, постягали отъ части погонялками; а сожительницѣ его, егда оная у него быть возъимѣется, довелося отвѣдать разбойническаго, ха, ха, ха, ха, супружества.

Явленіе четвертое.

Тѣ же и входитъ Булатъ

(*смѣется въ заходы.*)

Ха, ха, ха, ха, ... хе, хе, хе, хе, ... хи, хи, хи, хи . . . . (*продолжаетъ смѣяться*)

ТРУСИЦ. Што ето такое! чему ты такъ надсѣдаешься?

БУЛАТЪ.

БУЛАТЪ. (*продолжаетъ хохотать*) Хо, хо, хо, хо, ... хы, хы, хы, хы . . . . ху, ху, ху, ху . . . .

УДАЛЬЦ. (*взглянувъ на воеводу и пожавъ плечами*) Чудодѣйственное нѣкое видѣніе, ваше высокородіе, (*къ Булату*) да донеси хотя его высокородію, коея ради вины ты тако смѣешися?

БУЛАТЪ. (*опять изо всей мочи смѣется*) Хя, хя, хя, хя, . . . хю, хю, хю, хю, . . . какой-та офицеръ, ха, ха, ха, ха . . . . прислалъ гранодера занимать фатеры . . . хе, хе, хе, хе . . . хи, хи, хи, хи . . . . (*продолжаетъ смѣяться*)

УДАЛЬЦ. Офицію имѣющій предпослалъ единаго изъ своихъ служивыхъ? тутъ ничего смѣхотворнаго быти не предвидится!

БУЛАТЪ. (*продолжаетъ хохотать*) Да кабы вы, сударь, ха, ха, ха, ха; ха, ха . . . . . знали, што ето за гаранадеръ? (*ухвативъ себя за брюхо, со смѣху помираетъ*) Ето тотъ попъ, што прошлова года сидѣлъ здѣсь въ тюрмѣ въ порчѣ свадебъ, хе, хе, хе, хе . . . . какіе ето усищи! хи, хи, хи, хи . . . какая стала харя, ху, ху, ху, ху . . . таки чортъ чортомъ! хо, хо, хо, хо.

ТРУСИЦ. Батька Ермила? незбыточное кажется дѣло; (*къ Булату, которой уходитъ хохотавши*) позови-тка, братъ, ево сюда.

УДАЛЬЦ. Эдакая камедь, ваше высокородіе, если бы посланъ онъ былъ при канатѣ, въ Сибирскіе предѣлы, о семъ бы я конечнѣ не усомнился, а то поверстанъ въ служивые, да еще и обстоитъ гранодеромъ. (*гранодеръ входитъ*)

ЯВЛЕ-

Явленіе пятое.

Трусицкой, Удальцовъ и гранодеръ.

(Трусицкой и Удальцовъ взглянувъ на него, и насилу его узнавъ, засмѣялись, потомъ говоритъ ему Трусицкой)

ТРУСИЦ. Ба! священная глава, ужъ ты въ мѣдной скуфьѣ? пожалуй-ка благослови насъ грѣшныхъ.

ГРАНОД. *(сердитымъ голосомъ, указывая на шпагу)* Благословляю-та я, господинъ честной, нынѣ, вотъ етой висоуньей, а не пятерней, ково кумандеры прикажутъ; а по просту молвить, трусовъ да обиралъ, которые ни за што ни про што пота держутъ маломошныхъ людей въ тюрмѣ, пока не оберутъ какъ липочку; *(воевода вдругъ испужавшись, спрятался, и присѣлъ за Удальцова, которой закрывшись платкомъ, потихоньку трусости его смѣется, а гранодеръ продолжаетъ)* однако, ето оставимъ до поры да до время, а теперь вели-тка-ета отводить фатеры, нашей братьи сороку человѣкамъ, а для кумандера-та нашева, я уже замѣлилъ на воеводскихъ *(заглядывая за Удальцова на Трусицкаго)* вашихъ, господинъ честной, воротахъ. Прощайте. *(уходитъ грозною выступкою)*

Явленіе шестое.

Трусицкой и Удальцовъ.

Трусицкой съ потупленнымъ взоромъ, тихо доходитъ до своего стула, и садится не говоря ни слова, а Удальцовъ

по-

положа руки въ пазуху, смотритъ на него съ язвительною усмѣшкою и качаетъ головою; вдругъ слышенъ звукъ барабана бьющаго фельдъ-маршъ, и чрезъ колѣно пѣніе Руской пѣсни марширующими гранодерами. Воевода затрясшись отъ страха, спрятался подъ столъ; поютъ за кулисами съ барабаннымъ боемъ:

„Охъ вы гой еси солдатушки!
„Удалы буйны головушки,
„Послужили вѣрой правдою
„Нашей милостивой Матерѣ
„Всероссійской Государынѣ:
„Постояли грудью бѣлою
„За Ея Царска Наслѣдника;
„Возвратили дни спокойные
„Вы землѣ да Святорускія;
„Въ прахъ разбили пугачовщину,
„Такъ что духъ ужъ не помянется!
„Самово Емельку страдника
„Вы загнали на пустую степь;
„Такъ что съ голоду онъ съ холоду
„Принужденнымъ сталъ самъ здатися
„Въ руки войскъ нашихъ предатися.
„Да спасиба тебѣ Панинъ графъ,
„Да спасиба съ нынѣ до вѣку,
„Што презрѣвъ ты болѣзнь тяжкую,
„Ободрилъ сердца солдатскіе,
„Подоспѣлъ къ намъ саранчу прогнать.
„Лишь твое имя заслышали,
„Што идешь нами командовать,
„Мы другъ другу тогда молвили:
„Етотъ, братцы, не замешкатца
„Дѣло здѣлать со прямымъ концомъ.

Какъ

Какъ перестали пѣть и бить въ барабанъ, воевода насилу живъ вылазитъ изъ подъ стола, и говоритъ Удальцову жалкимъ голосомъ:

ТРУСИЦ. Не покинь меня, Климъ Аксентьевичь! какъ нашлетъ Богъ лиха человѣка. (*сказавъ сїе уходитъ*)

УДАЛЬЦ. (*въ слѣдъ Трусицкому*) Уповайте на Всещедраго, ваше высокородїе, и на меня нижайшаго. (*поднявъ руки къ верху*) Поистиннѣ неудобь-имовѣрное дѣло, отъ чего его высокородїе тако пугатися соизволитъ! подобаетъ бо паче радоватися, яко мнѣ мнится, а не тревожитися, что уже и въ нашемъ градѣ имѣетъ быть легулярство. О! егда бы оное здѣсь имѣлося быть седмицъ за десятокъ предъ симъ; не у бы обвѣшены бяху мнози градоначальницы и дворяне страны сея; не у бы расхищено было ихъ стяжанїе . . . . . Богу тако изволися! посѣтилъ онъ насъ жезломъ беззаконїя и ранами неправдъ нашихъ, не на погубленїе, а на исправленїе наше . . . . Однако же пойдемъ тепер скорыми стопами, отводить служивымъ-та квартеры; военные люди долго ждать не жалуютъ; наше приказное *завтре*, имъ всячески неблагопрїятно; а то еще и Богъ вѣсть, што случитися на хребтѣ моемъ можетъ, аще укоснимъ вышереченнымъ-то имъ квартиръ отводомъ.

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Пулхерія одна.

Теперь ни гнѣвъ родителя, ни его слезы, ни что меня долѣе не удержитъ отъ произведенія моего намѣренія . . . въ послѣдней разъ онъ меня сегодня видитъ . . . . до какой крайности доведена стала моя судьбина! . . . добродѣтель, которую я такъ строго хранила! . . . Отецъ, для одной меня живущій . . . . Любовникъ! (*заплакала, закрывшись платкомъ*) да и какой любовникъ! (*паки платкомъ закрывается*) собраніе достоинствъ и даровъ природы . . . . Всѣ вы, всѣ вы нынѣ отъемлетеся у меня вѣчно! (*плачетъ*) бѣгу тебя нещастной . . . . Почто не могу я бѣжать и отъ самой себя? Но скоро окончится жизнь моя . . . . стонъ, рыданіе, слезы, изнуреніе поруганнаго тѣла, отворятъ мнѣ убѣжище . . . . Но кто сюда идетъ? . . . Боже мой! . . . (*испужавшись*) это онъ! спирается дыханіе въ груди моей . . . . каменѣетъ языкъ, ... меркнетъ свѣтъ, . . . колѣни мои подгибаются и трясутся. (*упала въ кресла*)

Явленіе второе.

Та же и Милой.

МИЛОЙ. (*бѣжитъ къ ней и хватаетъ съ восхищеніемъ ее за руку*) Тебя ли я вижу! добродѣтельная Пулхерія . . . ты ли . . . ты ли по столь долговремянной разлукѣ, возвращаешься вѣрному твоему любовнику? (*легъ къ ней на руку головою*) Радости душа моя не вмѣщаетъ! (*вдругъ взглянувъ на нее отскакиваетъ и въ крайнемъ изумленіи продолжаетъ*) Но что я вижу? . . . . Она мнѣ не отвѣчаетъ! . . . . Она не удостоиваетъ меня и своего взора! . . . . . . Это (*ходитъ по театру*) ясно! . . . ясно мое нещастіе! . . . изъ сердца, гдѣ я обиталъ, котораго удержаніе всего мнѣ дороже, изгнанъ уже я невозвратно! . . . . . другой щастливѣе меня имъ владѣетъ! . . . . . Вѣроломная! . . . довершай твою лютость; довершай твое звѣрство; вотъ (*разкрываетъ грудь*) грудь! которая одною тобою дышала, пронзай ее . . . . или я самъ скончаю жизнь, которая мнѣ безъ тебя ни на что не надобна; однакожъ, знай, невѣрная, что и самой послѣдней вздохъ произведенъ будетъ не болѣзнію, смерть, дающей мнѣ раны, но жалѣніемъ о утратѣ любви твоей.

ПУЛХ. (*собравшись съ силами и самымъ томнымъ голосомъ*) Нещастной! . . . ежели ты меня когда нибудь любилъ, то яви мнѣ послѣднее послушаніе . . . . Въ мысляхъ, въ душѣ моей, одна

смерть любовь мою къ тебѣ и образъ твой загладитъ . . . . они не были и не будутъ никогда наполнены (*тяжко вздохнувъ*) страстію ни къ кому другому. . . . . . Но судьба разорвала тѣ узы, которые насъ соединить могли . . . . я тебя недостойна; недостойна и сама себя. . . . . Прощай (*встаетъ*) Прощай на вѣки! . . . О! когда бы хотя твоимъ напоминаніемъ, твоимъ (*отходитъ*) сожалѣніемъ могла я ласкаться! . . .

МИЛОЙ. (*во изступленіи бѣжитъ за нею, но она уходитъ*) Постой, жестокая! прерви мое изумленіе, или вѣдай! (*Пулхерія уже уходитъ за кулисы*)

Явленіе третіе.

Милой одинъ.

Она себя презираетъ! . . . . . меня одного всегда любила и любитъ; она отъ меня бѣжитъ, и бѣжитъ на вѣки! . . . . О противорѣчія! . . . какое ужасное таинство вы въ себѣ заключаете! . . . . Но нѣтъ . . . извѣстно мнѣ е сердце; извѣстна чистота и непорочность ея души. . . . . Пойду, (*говоритъ съ жаромъ*) . . . . пойду, ... упаду къ ногамъ ея; обнажу мое сокрушеніе . . . . Приведу въ жалость; извлеку смертоносное это таинство. (*хочетъ идти, но встрѣчается съ нимъ пьяной уѣздной недоросль.*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Милой и Капелькинъ.

КАПЕЛЬК. (*принимаетъ Милаго за воеводу и обнимая его говоритъ*) Отецъ мой Аверкій Аверкіевичь! помилуй; защити меня бѣднаго, разореннаго, скудоумнаго, мѣлкопомѣстнаго человѣченца . . . . Печаль . . . . великая печаль меня обуяла . . . . какъ стень шатаюсь . . . . вотъ ужъ третій день пошелъ, макова право росина во рту не бывала . . . . пью таки посильное дѣло, да уже и хмѣль-атъ плохо забираетъ! умились ты (*опять обнимая его плачетъ*) надъ бѣдною моею головою.

МИЛОЙ. (*вырвавшись говоритъ*) Вы за другаго меня принимаете; я не воевода, а пріѣзжей здѣсь. (*Милой уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Капелькинъ одинъ.

(*прежде остолбенѣвъ постоялъ нѣсколько, а потомъ плача говоритъ*)

Этова только и не доставало, чтобъ мнѣ ослѣпнуть . . . . такъ; . . . . выплакалъ я васъ (*воетъ*) мои глазушки . . . . свѣту Божьева вы голубчики мои не видите . . . . . . да какіе же

вы были зоркіе! (*вдругъ захохотавъ*) бывало подвеселясь съ друзьями начнемъ играть въ жмурки . . . нахлучатъ мнѣ колпакъ по самое рыло, да и такъ, ха, ха, ха, што и носа-та, которой вы сами видите, што у меня не изъ послѣднихъ, почти до половины не видно; ха, ха, ха, ха, ха; а я себѣ заранѣе прокушу, хи, хи, хи, хи, на немъ дырку, да и вижу всѣхъ! (*опять плачетъ*) то-то были глаза! (*еще больше плачетъ, а между тѣмъ входитъ воевода.*)

Явленіе шестое.

Капелькинъ и Трусицкой.

ТРУСИЦ. А! Миронъ Андроновичь, здравствуй. (*обнимаются*) За чемъ братъ ты къ намъ пожаловалъ?

КАПЕЛЬК. Многолѣтнаго тебѣ желаю здравія . . . (*самъ съ собою*) Постой, за чемъ бишь я сюда пріѣхалъ? ха, ха, ха, ха, дьявольщина какая! хо, хо, хо, хо, не вспомнится . . . да, да, да, да, (*плачетъ прежде потихоньку, а потомъ часъ отъ часу выть начинаетъ*) Ахти! пропала моя головушка! доѣхали меня лихіе люди, здѣлали хоть брось . . . .

ТРУСИЦ. (*смѣючись*) Да сказать-то развѣ не льзя, што такое здѣлалось?

КАПЕЛЬК. А? . . . што? . . . . . тошно, вотъ тутъ, (*указываетъ на брюхо*) какъ камень. (*плюетъ на воеводу ненарочно*)

ТРУСИЦ. (*смѣючись*) Поди-тка братъ лутче, съ горя-то, (*Капелькинъ прерываетъ его рѣчь*)

КАПЕЛЬК. (*качаетъ головою*) Горе! такое-то горе, што и языкъ не ворочается.

ТРУСИЦ. Вижу, што худенько шевелится.

КАПЕЛЬК. (*громко плачетъ*) Какъ-то мнѣ жить да быть приходитъ . . . . . злодѣи мои вороги! . . . сосѣди приближенные . . . сожгли у меня (*завылъ*) ночью винокурню! . . . . сталъ я теперь, какъ ракъ на мѣли; пропалъ, ... пропалъ и тѣломъ и душею . . . . въ воду развѣ пришло броситься; помилуй (*кланяется низко, и не удержавшись на ногахъ, падаетъ*) помоги мнѣ бѣдному, Капелькину Мирошкѣ.

ТРУСИЦ. (*помогаетъ ему встать*) Встань-ка, да поди въ канцелярїю, и подай явочную челобитную; такъ мы и посылочку за тѣми, накого ты въ зажигательствѣ-та покажешь; не позабудь только насъ съ Климомъ, а то уже мы свахляемъ тебѣ добренько.

КАПЕЛЬК. (*бросясь обнимать Трусицкаго*) Ай, мой батюшка родимой! теперь же пойду и подамъ; а объ гостинцахъ-та твоему здоровью и Климу Аксентьичу ни слова . . . таки ни слова. (*уходитъ запѣвъ пѣсню*) ,,Чарочки по столику по- ,,хаживаютъ, рюмочки походя говорятъ ,,

Трусиц. Крѣпокъ! . . . . лѣтъ съ тритцать не просыпается! . . . . а еще не окалѣлъ! . . . . Доведись-ка мнѣ потянуть недѣльки двѣ три, съ ряду, такъ сутки мѣсто и головы не подъимешь . . . . тѣмъ право и живъ, што клинъ клиномъ, а безъ тово . . . . пропащее бы дѣло. (*увидя Милаго*) Ба, ба, ба! это . . . . .

Явленїе седьмое.

Тотъ же и Милой

(*въ видѣ человѣка погруженнаго въ отчаянїе*)

Трусиц. Это, Воинъ Воиновичь! ахъ! другъ мой сердешной, (*обнимаетъ его*) откуда ты взялся? я было отчаялъ тебя голубчика: легко ли молвить! што мы послѣ тово, какъ прошлаго года изъ Башкирїи-то сюда прiѣзжалъ ты въ свою деревню, таки не было ни вѣсточки отъ тебя, ни грамотки.

Милой. До совершеннаго истребленїя злодѣевъ, рукою храбраго Михельсона, находился я въ разныхъ отрядахъ по Оренбургскимъ окрестностямъ; а нынѣ присланъ сюда съ сорокью человѣками гранодеръ зимовать.

Трусиц. Да здоровъ ли ты, другъ мой? нѣшто ты блѣденъ и печаленъ!

Милой. Вы видите во мнѣ самаго злополучнѣйшаго человѣка, и естьли вы надо мной

не

не сжалитесь, то не отвѣчаю, не послѣдней ли день и живу я на свѣтѣ; на васъ, (*въ самое сїе время Удальцовъ входитъ и подслушиваетъ подлѣ кулисовъ*) на васъ однихъ остается вся моя надежда: не откажите мнѣ въ вашей помощи.

ТРУСИЦ. Да што такое, Воинъ Воиновичь! .... Буде есть какое дѣльцо по канцелярїи, такъ мы съ Климомъ право тебѣ помочь готовы, только ты насъ съ нимъ не забудь.

УДАЛЬЦ. (*вслушавшись, самъ съ собою*) Покормочки двѣ три на сей день слизнули .... а теперь еще новѣйшая, да можетъ быть и вящшая быти предвидится.

МИЛОЙ. (*къ Трусицкому*) Должно мнѣ начать обнаженїемъ таинства, которое донынѣ отъ васъ было сокрыто.

ТРУСИЦ. Конешно надобно все сказать обстоятельно, хотябъ што могло быть и не на пользу по твоему дѣлу; не жалѣй только кармана, такъ и все будетъ ладно .... Слыхалъ ли ты старую пословицу: не бойся суда, а бойся судьи. Какъ намажешь ему ладонь-та пожирнѣе, такъ и черное здѣлаетъ бѣлымъ.

МИЛОЙ. Въ послѣднюю мою здѣсь бытность, часто я долженъ былъ, ходатайствуя за извѣстнымъ вамъ дѣломъ, посѣщать домъ вашъ.

ТРУСИЦ. *Да, я не могъ тогда жаловаться на твои обсылки.*

МИЛОЙ. Ежедневныя мои свиданіи съ вашею прекрасною и добродѣтельною дочерью, подали мнѣ случай узнать великія и рѣдкія ее достоинствы . . . . Не замедлилася поселиться во мнѣ къ ней страсть неисцѣльная и почтеніе вѣчное; отъ того самаго времени наполнились ею и мысли мои и сердце; я позналъ, что нѣтъ для меня инаго щастія на свѣтѣ, какъ въ законномъ съ нею сочетаніи. (*Трусицкой являетъ знаки удивленія*) Я столько былъ щастливъ, что исканіе мое ее не прогнѣвало; она сама предписала мнѣ о томъ съ вами изъясниться, однакожъ не прежде какъ по совершенномъ укрощеніи мятежей, раздиравщихъ наши предѣлы, доказавъ мнѣ, что каждому, прямо честному человѣку, позорно и мыслить о бракахъ и о любовныхъ забавахъ, когда кровь благорожденныхъ его соотечественниковъ проливается. Столь истинныя слова, изреченныя прекрасными устами, заставили меня, не окончавъ дѣла моего по вашей канцеляріи, поспѣшить къ моему полку, гдѣ я донынѣ и былъ. Любовь повлекла меня къ ногамъ обожаемой мною невѣсты . . . Нынѣ я предсталъ ее взору, восторгъ радости живо передъ нею изобразился . . . . но она приняла меня съ холодностію! . . . . оставила меня! . . . . я полетѣлъ въ слѣдъ за нею, но двери комнаты ее предо мною затворились; слезы мои не смягчили ея

же-

жестокосердія . . . . (*становится на колѣни*) Вступитесь за нещастнаго . . . . помогите возвратить мнѣ ее сердце, обѣщанную мнѣ ея руку! . . . . . или вы сами будете причиною моей смерти . . . . . такъ . . . . . я даю вамъ слово, что въ сей же самой день увидите вы меня бездыханна.

ТРУСИЦ. (*его поднимая*) Другъ мой сердешной! я бы надоѣлъ святымъ моими молебнами, кабы тебя-то мнѣ Богъ пожаловалъ зятемъ. Знаю твой благодатной домъ; вѣдаю, што у тебя и всево по мѣрѣ дочери моей довольно; . . . да только сумнѣваюсь . . . не послушаетъ ета упрямица меня, она идетъ въ монастырь. . . . . . Побывавъ въ рукахъ . . . . (*Милой прерываетъ его рѣчь съ крайнею поспѣшностію*)

МИЛОЙ. Оставьте это! . . . . (*выговоривъ сіи слова, остановился въ глубокой задумчивости, и стоитъ потупя глаза, а Трусицкой между тѣмъ загнувъ руки назадъ и посвистывая въ задъ и въ передъ равнодушно расхаживаетъ, доколѣ Милой говорить опять началъ*) Милосердый Боже! . . . . . Безчестный и всеобщаго достоинъ презрѣнія тотъ человѣкъ, которой нещастіе своему ближнему, а особливо беззащитной женщинѣ вмѣняетъ въ порокъ . . . Теперь извѣстно мнѣ ее страданіе! . . . . . Постигаю, какою горестію терзается нѣжная и добродѣтельная душа ее! а для того-то она и большаго достойна почтенія! Она нещастлива! . . . . Она невинна! . . . . Возвратить честь, утраченную

ченную мучительскимъ вынужденiемъ, есть самый сладостнѣйшiй долгъ людей добродѣтельныхъ.

УДАЛЬЦ. (*подходя къ Милому говоритъ съ досадою*) Да по преданiямъ-то лихо, ваше благородiе, святыхъ отцевъ, не касательно быти имѣется, отдавати отроковицу по принужденiю, за кого она сама не восхощетъ . . . . а къ тому же можетъ быти и оное, что имѣется уже у ней нареченный рождшимъ ея; (*къ Трусицкому*) да и вашему высокородiю, не пригоже, чинити въ словѣ своемъ неустойку. За оное и предъ налойцемъ иногда постояти случитися можетъ.

МИЛОЙ. (*съ презрѣнiемъ къ Удальцову, указавъ на окно*) Естьли не хочешь туда . . . то (*вынимаетъ шпагу, а Трусицкой закричавъ „Экая притчина!„ забѣжалъ въ уголъ театра и тамъ испужавшись трепещетъ*) въ эту самую минуту, пошлю я тебя къ общему, такихъ, какъ ты, подъячихъ, прадѣдушкѣ сатанѣ, на вѣчную квартеру.

УДАЛЬЦ. (*къ зрителямъ*) Извольте прислушать! онъ нарицаетъ православныхъ христiанъ родственниками супостатовъ спасенiя человѣческаго . . . а при томъ и таковыхъ, изъ коихъ иные имѣютъ официю и патенты! постой, господинъ честный! видалъ я едакихъ фертиковъ-та . . . у насъ, слава Всещедрому! имѣется уложенiе и новоуказныя статьи! . . . на сорокъ лѣтъ судебнымъ мѣстамъ работа возъимѣется. (*уходитъ поспѣшно*)

ЯВЛЕ-

Явленіе осьмое.

Трусицкой, Милой и Пулхерія.

МИЛОЙ. (*увидѣвъ Пулхерію, бросается къ Трусицкому и становится передъ нимъ на колѣни*) Воскресите вы въ себѣ моего родителя! преклоните на жалость жестокосердую.

ПУЛХ. (*къ Милому тихимъ и томнымъ голосомъ*) Предъузнала уже я, что страсть твоя порочимая разсудкомъ, повлечетъ тебя къ ногамъ моего родителя. (*къ отцу*) Дайте ему знать мое нещастіе! . . . .

МИЛОЙ. (*переходитъ отъ ногъ отца къ ногамъ дочери, и взявъ ее руку съ восхищеніемъ цалуетъ*) Оно мнѣ извѣстно; но оно-то самое и обязываетъ честь мою, возстановить безвинно гибнувшую добродѣтель! . . . . . варвары! . . . . мучители! . . . . кровопійцы! . . . . . измѣнники! . . . . . позоръ человѣчества! . . . . не щадили и утварей, посвященныхъ безкровному жертвоприношенію; . . . . невинность! . . . . юность, ... полъ, ... красота, ... могли ли избѣжать ихъ неистовства? . . . . (*помолчавъ нѣсколько и снявъ шпагу*) Вотъ какъ думаетъ твой любовникъ, ... твой женихъ! . . . . (*говоритъ тише, оборотя къ груди своей шпагу*) Теперь остается тебѣ сказать одно слово, ... и часть моя свершится.

ПУЛХ.

ПУЛХ. (*вырываетъ и бросаетъ шпагу*) Живи! .... живи! .... и будь столько благополученъ, сколько ты добродѣтеленъ; какую цѣну положитъ тебѣ душа моя?

МИЛОЙ. (*упадаетъ къ ея ногамъ*) Въ любви, въ дружбѣ, въ почтеніи и въ соединеніи моемъ съ тобою, есть все мое щастіе.

ТРУСИЦ. (*обнявъ ихъ, говоритъ плача*) Милые мои! . . . . будь надъ вами грѣшное мое благословеніе, седодни же васъ и обвѣнчаю.

МИЛОЙ. (*вставъ говоритъ съ восхищеніемъ*) О! день, ... день! достойный вѣчнаго моего, съ пролитіемъ радостныхъ слезъ, напоминанія! ... Невинность, красота, достоинствы оскорбленныя врагами человѣчества, отъ руки моей возстановленіе получаютъ! . . . . Что можетъ быть сладостнѣе сердцамъ, въ которыхъ честь и добродѣтель водворяются?

Явленіе девятое.

Тѣ же и Ахреянъ

(*бѣжитъ и кричитъ*)

Валятъ, валятъ . . . кучею валятъ гости. . . . Одинъ другова выпереживаютъ.

ТРУСИЦ. (*взявъ ихъ за руки*) Пойдемъ-ка, любезные дѣти, и встрѣтимъ гостей, да повесе-

веселясь съ ними и во храмъ Божїй . . . . Одно только меня матитъ! . . . Клима - то ты взбѣсилъ, другъ мой! . . . . . Оборони Господи затягаться съ подъячими . . . . они проклятые вить, какъ злая лихорадка; не вытреся у тебя всево жирку изъ тѣла, право не отстанутъ.

МИЛОЙ. (*къ Трусицкому*) Страхъ вашъ, естли смѣю сказать, крайнее безчестїе вамъ наноситъ. Разсудите сами, сколь мало надобно къ тому мужества и благородства, чтобъ не только не страшиться сплетателя глупыхъ приказныхъ крючковъ, съ низкою его душишкой, но и заставить его трепетать предъ человѣкомъ благовоспитаннымъ и просвѣщеннымъ, а особливо въ нынѣшнїя благополучныя времена, когда законы и истинна судилищами управляютъ.

(*всѣ уходятъ.*)

Конецъ комедїи.

